

BENĞİ

Dünya Yörük-Türkmen Araştırmaları Dergisi

BENĞİ World Journal of Yörük-Türkmen Studies

<https://dergipark.org.tr/tr/pub/bengi>

ISSN: 2717-6584

Политик в эпоху мировых войн : на примере Мамед Эмина Расулзаде

Dünya Savaşları Döneminde Bir Politikacı: Mehmet Emin Resulzade Örneği

A Politician During the World Wars: The Example of Mehmet Emin Resulzade

doi: 10.58646/bengi. 1466600

Geliş/Received: 30 Mart 2024

Kabul/Accepted: 01 Mayıs 2024

Igor Turitsyn*

Özet

Çalışma, emperyalizmin bir ürünü olan ve geçmişin geleneksel savaşlarından nitelik açısından farklı olan dünya savaşları olgusuna ilişkin yeni bir anlayış sunmaktadır. Küresel savaşın, özellikle tüm dünya devletlerinin önemli bir kısmının ve dünya politikasının tüm ana aktörlerinin katılımı, iki ana rakibin varlığı ve karşı karşıya gelmesi gibi bir dizi zorunlu özelliklerle karakterize edildiği belirtilmektedir. Aynı zamanda savaşın özünü ve misyonunu belirleyen görelilik ve bir dereceye kadar da savaşa katılan "bloklar"ın konvansiyonelliği ve onları karakterize eden "ittifak" ilişkileri, dünyanın yeniden bölüşümü mücadelesi, tek gerçek yararlanıcının -savaşın sonuçlarının- mali oligarşinin neden olduğu zenginlik vb. içermektedir. Dünya savaşları sırasında, kendi kaderini tayin etme hakkı da dahil olmak üzere insanların çıkarları, kaçınılmaz olarak küreselcilerin, özellikle de mali oligarşinin çıkarlarına kurban ediliyor (burjuva ulusların oluşumu ve ezilen halkların geniş sömürge karşıtı hareketinin büyümesi bağlamında giderek daha önemli hale geliyor).

Anahtar kelimeler: Resulzade, dünya savaşları, küresel çatışmalar, tarih yazımı, emperyalizm, ulusal kurtuluş hareketi.

* **Sorumlu Yazar/Corresponding author:** Научно-Исследовательский Институт Истории, Экономики И Права, e-posta: turitsin.igor@mail.ru. Orcid: 0009-0007-8374-015X.

Atf/Citation: Turitsyn, I. (2024). Политик в эпоху мировых войн (на примере Mehmet Emin Resulzade). BENĞİ Dünya Yörük-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2024 (2), 338-352.

Резюме

В статье предложено новое понимание феномена мировых войн, которые являются продуктом империализма и качественно отличаются от традиционных войн прошлого. Отмечается, что глобальную войну характеризует целый ряд обязательных черт, в частности, участие в ней всех мировых держав и значительной части всех сколько-нибудь заметных субъектов мировой политики, наличие двух основных противников, противостояние которых определяет характер и миссию войны, относительность и, в известной степени, даже условность участвующих в войне «блоков» и характеризующих их «союзных» отношений, борьба за передел мировых активов в рамках которой единственным подлинным бенефициаром – вне зависимости от результатов войны – является финансовая олигархия и т.д. Показано, что в эпоху мировых войн интересы народов, в том числе их право на самоопределение (все более актуальное в условиях формирования буржуазных наций и нарастания широкого антиколониального движения угнетенных народов), неизбежно приносятся в жертву интересам глобалистов, прежде всего, финансовой олигархии.

Ключевые слова: Расулзаде, мировые войны, глобальная конфликтность, историософия, империализм, национально-освободительное движение.

Abstract

The article offers a new understanding of the phenomenon of world wars, which are a product of imperialism and are qualitatively different from the traditional wars of the past. It is noted that a global war is characterized by a number of mandatory features, in particular, the participation in it of all world powers and a significant part of all any significant subjects of world politics, the presence of two main opponents, the confrontation of which determines the nature and mission of the war, relativity and, in a well-known degree, even the conventionality of the “blocs” participating in the war and the “allied” relations that characterize them, the struggle for the redistribution of world assets within the framework of which the only true beneficiary - regardless of the results of the war - is the financial oligarchy, etc. It is shown that in the era of world wars, the interests of peoples, including their right to self-determination (increasingly relevant in the context of the formation of bourgeois nations and the growth of a broad anti-colonial movement of oppressed peoples), are inevitably sacrificed to the interests of the globalists, primarily the financial oligarchy.

Keywords: World Wars, Global Conflict, Historiosophy, Imperialism, National Liberation Movement.

Giriş

Война в течение многих тысячелетий является постоянным спутником развития человечества. По существу, его история – это история непрерывных войн. Пожалуй, столь же древней является и история их осмысления. Феномен войны всесторонне изучали еще крупнейшие мыслители древности («Всеобщая история» Полибия, «Римская история» Аппиана, «Стратегемы» Фронтинна, «Ши цзи» Сыма Цяня, «Искусство войны» Сунь Цзы и др.). С тех пор было создано немало интересных теоретических трактовок войны. Тем не менее, вплоть до конца XIX века это были все же скорее штудии об «искусстве войны». Между тем, по мере развития цивилизации, войны не только становились все более масштабными, но и, в строгом соответствии с законами диалектики, приобрели качественно новый вид. Решающее значение в данном плане имело вступление человечества в эпоху империализма, в рамках которой характер его развития в решающей степени стал определяться борьбой за передел уже поделенного мира.

Соответственно, именно с этого времени и возник феномен мировых войн, по существу, охватывающих всю планету и радикально меняющих характер ее развития. Как не странно, но это мало сказалось на характере теоретического осмысления войн. Горизонты значительной части аналитиков и поныне определяются двухсотлетней давности формулой Карла фон Клаузевица: «Политика является тем лоном, в котором развивается война» (Фон Клаузевиц, 2002: 164). При этом вслед за этим бывшим генералом русской службы они с неизбежностью абсолютизируют элементы случайности, субъективные категории (воли, опыта, интуиции и пр.), что превращает изучение войны в некое произвольное описание исторических примеров, лишенное строгих закономерностей. Принципиально не изменила это положение и дальнейшая концептуализация войны, осуществленная в трудах таких теоретиков как Гельмут фон Мольтке, Альфред фон Шлиффен, Эрих Людендорф и пр. (тотальная война).

Лишь благодаря марксизму в осмыслении феномена войны приоритет стал отдаваться фундаментальным вопросам социально-экономического развития. Однако это породило другие сложности. При колоссальной важности марксистского осмысления феномена империализма, склонность к абсолютизации элементов классовой борьбы обусловила известную недооценку значения анализа войны как таковой. В итоге, развитие научного знания привело к тому, что к настоящему времени возник ряд самых

разнообразных концепций, продолжающих и развивающих тему глобальной / тотальной конфликтности. При этом сложилась даже своего рода иерархия трактовок, объясняющих происхождение войн и их типологию: от наиболее простых – психолого-биологических (Фрейд и пр.) теорий, сводящих все к самой природе человека, к все более объективированным – демографическим (перенаселение, удельный вес молодежи и пр.), вульгарно-экономическим (крайние формы конкуренции), историко-социологическим (столкновение интересов социумов, государств, группировок и пр.), этно-социальным (доминанта этнической солидарности), идейно-мировоззренческим (религии, политические доктрины и пр.) и т.д.

На фоне разнообразных попыток синтеза различных доктрин, лишь на пороге новейшей истории оформились и приобрели должное значение концепции, связанные с более глубоким пониманием феномена войны, основанные на комплексном анализе развития мировых производительных сил и производственных отношений, представляющие глобальную (мировую) войну не просто как продукт столкновения интересов отдельных государств (народов), но, прежде всего, как закономерный результат эволюции мирохозяйственной системы, обусловленной, с одной стороны, общим характером борьбы за мировые ресурсы (прежде всего, колонии), а с другой – общей логикой развития капитализма, главным образом фундаментальными изменениями отношений собственности, сложным противостоянием промышленного и финансового капитала, появлением финансовой олигархии и т.д. (Гобсон, 1927; Гильфердинг, 1959). В данной связи, не отрицая значения широкого спектра субъективных интересов и приоритетов различных государств, а также социальных, профессиональных, этнических и иных групп, нужно признать, что основы стремительно нараставших процессов глобальной конфликтности, получивших завершенность в феномене мировых войн, все более отчетливо определялись не столько внешними политическими проявлениями «интересов держав», сколько логикой закономерного оформления транснациональных структур (прежде всего финансовых), неуклонно подчинявших себе и, по сути, подменявших собой государства.

С другой стороны, ученые пришли к пониманию того, что единственным серьезным ограничителем и корректором все более очевидного в новейшей истории доминирования сил, с железной неотвратимостью рождающих войны (в том числе мировые), выступает конфликт капитала и труда. Во многом снимающийся в периоды относительно мирного развития, он приобретает колоссальное значение именно в

условиях обострения глобальной конфликтности, особенно в процессе эскалации мировых войн. Тем самым, мировые войны изначально приобрели два основных измерения, две неразрывно связанные между собой формы: собственно военного конфликта, удовлетворяющего интересы участников войны и ее основного бенефициара – финансового капитала, и революционной борьбы трудящихся, направленной не только против войны, но и, прежде всего, на ниспровержение существующего миропорядка и установление более справедливого общественного строя (Ленин, 1962). В этом и состоит, на наш взгляд, главный парадокс мировой войны, предстающей в виде противоречивого единства традиционных и отрицающих их гражданских военных действий.

На данном фоне гораздо менее продуктивными, имеющими нередко откровенно схоластический характер (в лучшем случае определенное прикладное значение – пропагандистское, военное, частное исследовательское и пр.), представляются научные поиски, направленные на выработку различного рода классификаций войн, в частности, с учетом морально-этической составляющей (справедливые / несправедливые и пр.), состава сторон и участников конфликта (межгосударственные, гражданские, крестьянские, партизанские и пр.), характера противостояния (ограниченные, тотальные, гибридные и пр.), сроков (молниеносные, затяжные и пр.), специфики ведения боевых операций (оборонительные, наступательные и пр.) и т.д. Нередко такие определения дублируют друг друга (например, Отечественные войны являются также «справедливыми»). В других случаях они сплетаются, образуя причудливые гибриды (например, ныне популярное, вычурно-«научное» - «тотальная гибридная война» и пр.). На наш взгляд, данные характеристики сегодня лишь затушевывают суть войны, как универсального явления, с одной стороны, и суть мировой войны, как нового вида войн, рожденного эпохой глобализации, – с другой.

По мере развития цивилизации, прежде всего производительных сил, а также усложнения социальной структуры общества, магистральный путь эволюции феномена войн, на наш взгляд, был связан, в первую очередь, сознательным возрастанием роли не столько непосредственных участников и героев военных баталий, сколько групп лиц, связанных с войной лишь весьма опосредованно и имеющих к ней преимущественно косвенное отношение. Главным отличительным признаком их стало не умение воевать, а умение, не участвуя непосредственно в кровопролитии, извлекать из войны максимально возможные материальные и финансовые дивиденды. В исторически

обозримом прошлом это были, прежде всего, различного рода маркитанты, изготовители оружия, ростовщики и пр. В эпоху империализма наступило время абсолютного торжества транснационального финансового капитала.

В новых условиях война, как специфический социальный феномен, обрела принципиально новое содержание, новое качество, вышла на несоизмеримо более высокий уровень социального абстрагирования, на котором главными ее бенефициарами, интересантами и, как следствие, организаторами и вдохновителями, стали группы, не принимающие в ней непосредственного участия в качестве комбатантов, однако извлекающие из нее максимально возможную «доходность» – материальную, финансовую, социальную. Собственно милитаристский фактор войны к эпохе новейшей истории по своему системному и даже, в каком-то смысле, – ментальному значению стал отходить на второй план. По мере формирования отмеченной выше группы, с определенного времени неуклонно выдвигавшейся на главные позиции в социальной иерархии, а также ее последовательной интернационализации, точнее – превращения в глобальную силу, произошла качественная трансформация и самого феномена войны.

Параллельно с этим изменялись практически все базовые составляющие войны, причем все более очевидной становилась утрата ею, как институтом, прежнего доминирующего смысла захвата некой конкретной добычи (хотя, конечно, он и сегодня сохраняет немалое значение). Главное значение приобрел сам процесс ведения войны, позволяющий осуществлять масштабное перераспределение различного рода ресурсов не столько торжествующими победителями военной схватки, сколько, образно говоря, в «виртуальном» поле денежно-финансовых, фондовых, торговых и иных операций. В данном виде для основных бенефициаров война, как своего рода самодостаточный процесс, стала представлять интерес именно как преимущественно продолжительное – желательно вообще максимально длящееся – событие, позволяющее осуществить максимально возможное количество невиданно прибыльных для мирного времени финансовых операций, в массе своей возможных лишь в дни всеобщей дезорганизации и хаоса.

Более того, эти процессы, на наш взгляд, зашли так далеко, что, с определенного момента, по существу, утратил свое прежнее значение даже, казалось бы, ключевой вопрос о «победителе» в войне. Несмотря на любой исход военного столкновения для отдельных государств – сторон масштабных конфликтов, таким победителем в любом

случае с все большей очевидностью стали выступать не столько государства – военные триумфаторы, сколько системные группировки, представляющие формирующийся глобальный капитал, своим появлением придавший традиционной войне принципиально новое качество. Естественно, данный вывод характеризует не любой частный (локальный) конфликт или элементарную перестрелку, в которых на передний план чаще всего выдвигаются именно ограниченные «местные» интересы отдельных лиц и групп, а мировую войну, как феномен глобального противостояния, – на поверхности имеющего вид столкновения вполне определенных ведущих государств мира и их группировок.

Соответственно, в отличие от традиционной войны, как элементарно организованного вооруженного противостояния тех или иных сражающихся социумов, мировая война лишь на поверхности выглядит как глобальная общепланетарная битва за ресурсы, ведущаяся силами комбатантов противостоящих друг другу объединений государств. Но по своей природе мировая война, в том числе уже Первая мировая, похоронившая под своими руинами некогда великие империи (Российская, Османская, Австро-Венгерская), стала временем триумфа финансового капитала, стремительно оттеснившего на задворки реальной политики официальные правительства «своих» стран.

Ключевой характеристикой мировой войны, определяющей ее характер, стало предельно абсурдное с позиций обычного здравого смысла столкновение выступающих под самыми различными флагами армий, организованное и ведущееся в интересах глобального – интернационального по своей сути – капитала. При этом если на «нижних этажах» противостоящих друг другу социумов война представляется как некое священное действие в защиту самых высоких ценностей, на «верхних» – царит глобальный интернациональный, глубоко циничный праздник наживы. Образно говоря, то «братание» на фронтах, которое нередко наблюдается в финале затяжной мировой войны, для истинных организаторов и бенефициаров войны является присущим изначально. Глобальная транснациональная и межгосударственная «партия войны» в лице финансовой олигархии изначально не столько враждует, сколько сотрудничает в интересах извлечения сверхприбылей и, в конечном счете, установления тотального (глобального) контроля над миром.

Еще раз подчеркнем, что мировая война – это исключительно продукт эпохи империализма, с неотвратимой неумолимостью перерождающего высший слой

основных традиционных социумов – финансовую олигархию и, по мере последующего перерастания в постимпериализм, окончательно превращающего его во все более однородную транснациональную массу, лишенную многих традиционных социальных инстинктов, в том числе чувства сопричастности к тому или иному народу. Ее уделом остается лишь самодовлеющий и всепоглощающий инстинкт наживы и стремления к контролю над миром. К сожалению, эта железная логика эволюции войны, как специфического социального института, до сих пор осмыслена недостаточно. Между тем, с использованием данных подходом появляется возможность по-новому взглянуть на многие, казалось бы, хорошо известные процессы.

В полной мере это относится и к истории жизни и политической деятельности Мамеда Эмина Расулзаде, являющей собой яркий пример того, как политик, сделавший делом своей жизни борьбу за национальное самоопределение своего народа, оказался объективно вытесненным с большой политической арены неумолимой логикой глобальных процессов.

Безусловно, начавшееся в XIX веке формирование буржуазных наций, объективно создавало благоприятные условия для роста востребованности политиков, выступавших за национальное освобождение своих народов и создание национальных государств. Однако в глобальном общепланетарном обществе, формирование которого ускоряется в эпоху колониального раздела мира и получает известную завершенность и первую четкую фиксацию лишь в момент его вступления в эпоху империализма, то есть с конца XIX столетия, все большее значение приобретает и другая тенденция – формирования глобального капитала (прежде всего, финансового). И если в первом случае мы можем говорить о глобальных сдвигах, связанных с развитием национального торгового и промышленного капитала, то во втором – о значительно более весомом факторе, объективно требовавшем не укрепления, а стирания национальных границ, в том числе и путем глобальных войн.

Строго определяя, общепризнанными в современной научной литературе являются лишь Первая (28.07.1914-11.11.1918) и Вторая (1.09.1939-2.09.1945) мировые войны (М.Э. Расулзаде являлся активным деятелем именно в эту эпоху), вовлеченными в которые оказались большинство существовавших на то время государств, в том числе все так называемые великие державы. Тем самым этими войнами были охвачены, хотя и в различной степени, и все континенты Земли. В то же время, общая социально-экономическая природа этих войн обусловила появление новых подходов к их

теоретическому осмыслению, предлагающих внешне более «глобальные» подходы уже к их периодизации. К примеру, Энтони Бивор фиксирует, что отдельные «историки говорят о «тридцатилетней войне», длившейся с 1914 по 1945 г.», рассматривая Первую мировую войну как «первоначальную катастрофу», а некоторые дотягивают эту «Долгую войну» даже до 1989 года (Бивор, 2016:13). В свою очередь, в трактовке Драгоша Калаича, вычлняются и «Третья мировая война», как явление нашей современности, и «Великая мировая война, начавшаяся в 1914 году». Причем, по его мнению, последняя «в сущности, никогда и не кончалась и до сих пор полыхает, разгораясь до последнего предела ... Войну эту ведут силы «атлантизма», стремящиеся навязать человечеству «новый мировой порядок» и рабский статус экономических животных» (Ленин, 1962: 30). Таким образом, здесь мы также имеем довольно размытую картину, не отличающуюся строгостью научных построений, позволяющих выявлять именно закономерности мирового развития.

На наш взгляд, вся эта разногласица, в которой присутствуют от одной до четырех мировых войн, – результат не столько добросовестной научной конкуренции, сколько отсутствия единых критериев при определении указанного феномена. В данном контексте, подобно физикам-экспериментаторам, зачастую далеким от претенциозных дискуссий о фундаментальных истинах, видимо, стоит поначалу отойти от бесконечных споров с оттенком схоластики, обратившись на первом этапе к элементарному воссозданию общей картины нарастания глобальной конфликтности с конца XIX столетия – то есть в эпоху империализма. Тем более, что, как известно, именно к этой эпохе относятся и две признанные мировые войны.

Обращаясь к конкретно-историческому материалу, прежде всего, мы будем исходить из того, что мировые войны – это явления, качественно отличающиеся от войны в традиционном понимании данного слова. Приходится еще раз специально подчеркивать данный тезис, поскольку в большинстве современных исследований авторы подходят к мировой войне именно как к войне обычной – с ее декларативным началом и ясными «итогами». В нашем понимании, в отличие от обычной войны, мировая война – это не строго фиксируемое событие. По существу, она представляет собой некое масштабное явление, разворачивающийся во времени длительный процесс, проходящий целый ряд фаз, отражающих сложный путь вызревания, эскалации, затухания. Именно поэтому, в отличие от традиционных войн, не одно тысячелетие сотрясающих человечество, мировая война не может декретироваться тем или иным

актом формального объявления. Ни в одной мировой войне его попросту не существует и существовать не может!

К такому закономерному выводу неизбежно приводит даже самый элементарный учет сложного состава участников известных мировых конфликтов и одновременности их вовлечения в военные события. На наш взгляд, строго фиксированные (до дня!), простые и понятные, как школьный пенал, даты представляют интерес, пожалуй, лишь для старательного гимназиста и его экзаменатора. На деле «вбить» мировую войну, как глобальное явление, в прокрустово ложе строгих дат и, соответственно, хрестоматийных истин не только сложно, но и откровенно контрпродуктивно.

Образно говоря, мировая война представляет собой не некую конкретно взятую военную кампанию (или даже их серии, комплексы), а своего рода глобальное стихийное бедствие, военно-политический тайфун, проходящий стадии зарождения, развития, зрелости, угасания, непрерывно меняющий границы, захватывающий по мере своей эволюции все новые страны, приобретающий все новые формы и пр. И как любой тайфун, который несет с собой всевозможные предметы и субстанции, мировая война обладает самыми разнообразными составляющими. Именно такое понимание позволяет дать логично стройную картину как отдельно взятой мировой войны, так и всей их последовательности во всемирной истории, не скатываясь к набору произвольных теоретических конструкций, позволяющих выделять, «на вкус автора», абсолютно произвольное число таковых (Турицын, 2022: 78-104).

В этой связи, прежде всего, полагаем целесообразным отказаться от мало убедительного «декретирования» рамок войны в пользу их более широкого и пластичного определения на основе фиксации механизмов зарождения и развития конфликта. На наш взгляд, здесь вполне плодотворным может считаться тезис – мировая война имеет, как минимум, три довольно четко очерченных периода, которые условно можно определять как зарождение и нарастание войны, ее кульминация (полная зрелость) и затухание (охвостье). При этом уже в рамках первой фазы происходит серия локальных вооруженных конфликтов в различных регионах мира, с прямым и косвенным участием так называемых «великих / мировых» держав, объективно решающих не только задачи «передела мира», но и непосредственного «разогрева» будущих участников, определения предстоящей расстановки сил противников в рамках основной (решающей) фазы. В рамках последней фазы «затухания», серия локальных

конфликтов, кризисов и войн, напротив, связана с закреплением общих итогов мировой войны.

В таком виде мировая война выглядит не просто как некая внезапность, неожиданное, стихийное событие, разразившееся «вдруг», а как глобальное явление, не ограниченное предельно жесткими датами рамок «школьных» и иных учебников. Подчеркнем, что это понимание войны подсознательно принимается уже современниками. Не случайно о ней задолго до формального «начала» не только активно и многословно рассуждают специалисты, аналитики, но и говорит чуть ли не все образованное общество.

Нужно подчеркнуть, что в своих действительных временных рамках первая фаза мирового конфликта, предваряющая некую формальную, декларативную дату его якобы еще предстоящего «начала», играет чрезвычайно большое значение. Она не только определяет саму глобальную миссию разворачивающейся мировой войны (в том числе ее цели и задачи), но и ее общую конфигурацию, главные театры военных действий, а также целый ряд других базовых характеристик. Конечно, можно привычно возразить, что эта первая фаза представляет собой лишь «преддверие», «прелюдию» мировой войны, что собственно мы и видим в научной литературе вплоть до последнего времени. На наш взгляд, в этом то и кроется основной теоретический изъян, который уже отмечался выше – уравнивание обычной и мировой войны, нежелание видеть их принципиальное отличие, равно как и воспринимать историческое событие в его целостности, трактовать мировую войну не как некий отдельный акт, частное событие, а как глобальное явление. Между тем, с линейкой обычной войны к войне мировой подходить бессмысленно. Измерить не получится!

Возвращаясь в этой связи к эпохе Первой и Второй мировых войн, как глобальных войн за передел уже поделенного мира, с одной стороны, и как к неотъемлемой, базовой характеристике современного капитализма – с другой, мы должны признать, что устоявшиеся, ставшие хрестоматийно привычными символические даты объявления Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля 1914 г. – для Первой мировой и вторжения Третьего рейха в Польшу 1 сентября 1939 г. – для Второй мировой войны объективно не подтверждают своего неоправданно большого значения. Заметим, что в каждом указанном случае речь идет лишь о столкновении «мировой» державы с региональным игроком. Представлять эти даты как время «начала» мировых войн – это даже не

упрощение, это прямая профанация, изначально препятствующая пониманию исследуемого феномена.

И с каждой очередной мировой войной искусственность и бесплодность такого рода исследовательских подходов к хронологии мировых войн, по сути, как войн традиционных, заурядных, обычных, становится все более очевидной. И если в Первой мировой войне отмеченное выше «начало» еще хоть как-то объяснимо (хотя и с большими допусками), то уже для Второй мировой 1 сентября 1939 г. выглядит как совершенно произвольная, откровенно символическая дата. Ведь, собственно говоря, что произошло? – Нападение Германии на региональную страну (Польшу). Нисколько не умаляя значения данной трагедии для польского народа, тем не менее зададимся простым вопросом: это всерьез называется «началом» мировой войны? Кстати, и последующее – абсолютно символическое – вхождение в войну таких мировых держав как Англия и Франция в данном случае принципиально ничего не изменило. Как известно, их фиктивная «война» уже современниками была объявлена «странной». На наш взгляд, даже в то время участники решающего столкновения определились еще не вполне. Во всяком случае, именно так считали многие современники (к примеру, А. Гитлер всерьез рассчитывал на возможность примирения с новой «антантой» и даже предпринимал к этому вполне конкретные шаги (к примеру, миссия Гесса)).

Это заставляет нас констатировать еще одну важную черту мировых войн, как войны всех против всех, в которой нет постоянных союзников или противников. В той же Первой мировой (в нашей периодизации охватывающей период 1894-1923 гг.), к примеру, Россия и Турция привычно считаются противниками. И это справедливо. Однако лишь для кульминационного периода войны (1914-1918). Но вот на завершающем этапе (в нашей периодизации 1918-1923) новые государственные образования, возникшие на месте рухнувших империй были уже союзниками и немало содействовали тому, чтобы выжить перед лицом агрессивных действий Антанты.

В данном контексте трагизм М.Э. Расулзаде, как политика, состоял в том, что он стремился достичь цели, которая не отвечала интересам как «великих» держав – победителей в войне (стоявших за ними олигархических групп), стремившихся поделить мир еще более комфортно и прибыльно, так и державам, потерпевшим поражение в войне (Россия, Турция и пр.). Апеллируя к Антанте, рассчитывая на ее поддержку, политик не до конца понимал, что интересы этих держав даже «в лучшем случае» допускали не независимость Азербайджана, а его превращение в подмандатную

территорию (с последующей кровавой баней с более «правомочной» Россией). Более того, оказалось, что и интересам «проигравших» и поверженных соседей, в том числе Турции, этот, явно нереалистичный проект, тоже не отвечал. Они не могли допустить появления в регионе образования, заведомо обреченного стать плацдармом для одного из «великих» империалистических хищников. Как известно, итог оказался закономерным. Советская власть в Баку была установлена единими усилиями Москвы и Анкары, и в военную эпоху 1918-1922 гг., и далее в 1920-е годы остававшихся друг для друга опорой в борьбе с притязаниями империалистов (Алиева, Али Аскер, 2014: 48-63).

Как известно, не получая ожидаемой поддержки, М.Э. Расулзаде в 1931 г. Выехал из Турции в Европу, именно в это время вставшей на путь развязывания Второй мировой войны. Однако искренне стремившийся к независимости Азербайджана, политик оказался здесь в крайне щекотливой ситуации, поскольку в течение довольно продолжительного времени видел возможного союзника в реализации своих идей в лице фашистской Германии. И вновь мы видим, как теоретическая ошибка привела к тому, что он оказался на грани. И если в 1920 году его спасли давние дружеские отношения с И.В. Сталиным, то в критический момент Второй мировой лишь некий общий внутренний демократический стержень и, в еще большей степени, поистине чудесная помощь свыше помогли ему, в итоге, все же не встать на путь тесного сотрудничества с гитлеровцами. В противном случае, его судьба была бы фатально трагичной, а его имя опороченным.

Полагаем, что тем самым политик сохранил свое имя как борца за самоопределение своей страны, а не коллаборанта-преступника.

Литература и источники

- Алиева С.И., Али Аскер. М.Э.Расулзаде: основоположник Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920) // Современная научная мысль. Москва: НИИ ИЭП, 2014. - № 2, с.48-63.
- Бивор Э. Вторая мировая война. - М.: КоЛибри, 2016.
- Гильфердинг Р. Финансовый капитал. - М., 1959.
- ГобсонДж.А. Империализм. - Л.: Прибой, 1927.
- Калаич Д. Третья мировая война: Публицистика разных лет. - М.: ИХТИОС, 2006.
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М., 1962. - Т. 27.
- Турицын И.В. Феномен мировых войн: проблемы историко-теоретического осмысления // Современная научная мысль. 2022. №5. С. 78-104.
- Фон Клаузевиц К. О войне. В 2 т. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. - Т. 2.